

ЮДАКИН А. П.

ЦИКЛИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ: РОЛЬ ГЕНИТИВА И НАРЕЧИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Оформление классными показателями соответствующих разрядов слов в нахских и аваро-андо-цезских языках представляет пеструю картину. Классный показатель может быть префиксом или суффиксом, может быть одновременно в начале и исходе слова, внутри слова и в его исходе; ср. тинд.: *в-еххела-в* (I кл.), *й-еххела-й* (II кл.), *б-еххела-б* (III кл.) «длинный».

Исследования показывают, что в системе андийских языков категория именных классов имеет больший удельный вес, чем в нахских и цезских. Что касается существительного и глагола, здесь картина более или менее ясна: существительные не содержат переменных классных показателей, в глаголе категория класса во всех исследуемых языках угасает с небольшой разницей в темпах. В отношении прилагательного можно сказать следующее: в даргинском оно утратило категорию класса; в лакском его изменение по классам еще играет известную роль; в нахских и цезских языках изменение прилагательного по классам — живое явление, хотя большинство прилагательных по классам не изменяется. Как в классных, так и в неклассных качественных прилагательных цезских языков, по-видимому, осуществляется унификация по конечному гласному, ср. цез.: *игу* (I кл.) «хороший» (*йигу* — II кл., *бигу* — III кл. ед. ч. и I кл. мн. ч., *ригу* — IV кл. ед. ч. и II, III, IV кл. мн. ч.), *эру* «старый». Большинство имен прилагательных в гинухском и гунизбском языках оканчивается на -у: гин. *роциу* «холодный», *бохору* «высокий», *лгалъару* «узкий», гуиз. *ичилу* «старый», *киотиу* «хороший» и т. п. [1, 2].

В андийских языках адъективные имена, особенно прилагательные, не дают строгой системы в употреблении классных показателей: в отличие от всех других исследуемых дагестанских языков родительный падеж личных местоимений — классный; изменяются по классам указательные местоимения и порядковые (частично количественные) числительные. В большинстве андийских языков и в аварском классные показатели употребляются в прилагательном префиксально и суффиксально, а также как префикс, инфикс или суффикс; изредка (тиндинский язык) как инфикс и суффикс. Такой разноречивой в употреблении классных показателей свидетельствует об особом статусе цезских языков. Преимущественное использование классных показателей в качестве префикса позволяет заключить, что прилагательные завершают процесс утраты морфологической категории класса, начавшийся с существительного. Чтобы внести ясность в эту проблему, необходимо решить следующее: почему классные показатели занимают конечное положение в прилагательных и причастиях, а в начальной позиции они сохраняются дольше, чем в конечной. Ответ может быть дан один: в цезских языках происходит дифференциация прилагательных по разрядам (качественные, относительные и притяжательные).

Рассмотрев происхождение имени прилагательного в указанной группе языков, мы надеемся показать, что становление прилагательных осуществляется в результате дублирования одних адъективных аффиксов другими с последующей дифференциацией значения прилагательных по суффиксам (что мы называем цикличностью языковых процессов). Дублирование одних аффиксов другими способствует сохранению категории класса в прилагательном. Генезис прилагательных благоприятствует становлению порядковых числительных и причастий, а взаимодействие причастия и глагола замедляет разрушение категории класса в глаголе благодаря проникновению неклассных форм в систему причастия, как ранее в систему прилагательного.

В андийских языках имеются две формы родительного падежа: род. I, классные экспоненты которого указывают на класс определяемого существительного, и род. II, окончание которого не обозначает класса определяемого имени. Например, в андийском род. I — *иму-в воцци* «брат отца» (*иму* «отец»), *иму-й йоцци* «сестра отца»; *иму-б кЮту* «лошадь отца»; род. II — *илу-лИи воцци* «брат матери» (*илу* «мать»). Во всех андийских языках окончание род. II восходит к местным падежам и имеет начальный согласный *лИ-* или *лЪ-* (в багвальинском *-лЪлЪ-*) [3]. Использование местного падежа в значении родительного определяется всей системой языка (развитие посессивных отношений) и не в последнюю очередь семантикой классных отношений, ибо классные показатели реализуют двухстороннюю связь имен: указывают на зависимость одного имени (определения) от другого (определяемого) и отражают принадлежность определяемого к соответствующему классу имен. К тому же классные показатели указывают на принадлежность человеку предметов и животных, на качественный и относительный признаки предмета. Впрочем, чаще относительный признак передавался несогласованным определением в одном из косвенных падежей. Родительный падеж, развивающийся из местного, не отражает класса определяемого имени, но его преимущество перед классным родительным заключается в том, что он принимает на себя одну из функций последнего — обозначение принадлежности. Включение несогласованного родительного в падежную систему имен начинается, о чем свидетельствуют факты самих андийских языков, с категории вещи (с III класса в системе из трех грамматических классов): в ахвахском род. II употребляется в словах III класса и спорадически в словах II класса [4], в андийском, багвальинском, ботлихском, каратинском и чамалинском — в словах II—III классов, в тиндинском и годоберинском — в именах II—III классов, и в некоторых именах I класса [5]. Использование местного падежа в значении родительного вполне закономерно, если вспомнить, что во многих иберийско-кавказских языках местные падежи служат для обозначения местонахождения и принадлежности. Распространение в языке несогласованного род. падежа и окаменение (или отпадение) классных показателей в существительном позволяет говорить о классном род. падеже, потому что классный показатель уже не дублируется в определяемом и, следовательно, служит для выражения зависимости одного имени от другого, а не для координации имен.

В ряде андийских языков наблюдается омонимия суффиксов существительных и прилагательных. В каратинском: *гьекIва-щү-б* «человека» (классный родительный), *месед-и-лИ* «золота, золотой» (несогласованный родительный, образующий и относительные прилагательные), *гьеро-б* «красный», *хъайи-лИ* «синий». Суффиксы прилагательных параллельны генитиву существительных. Дифференциация зависимого имени по при-

надлежаности и появление суффиксального род. падежа (в нашем случае на *-лI*) способствовали передвижению классного показателя у соответствующих имен из препозиции в постпозицию. Возникает оппозиция двух форм род. падежей, первоначально имеющих близкое значение: принадлежности и относительного признака предмета (*гьекIва-цу-б*, *меседи-лI*). Но с разрушением категории именного класса появляется разряд прилагательных (преимущественно качественных) с классным показателем в конце слова (*гьеро-б*). Асимметрия формальная, и в значении существительных и прилагательных она приводит к разрушению омонимии и специализации род. падежей: классный родительный обозначает в основном принадлежность, несогласованный род. падеж — относительный и качественный признак предмета. Создается параллелизм форм, но не значений существительных и прилагательных (*гьекIва-цу-б* // *меседи-лI* // *гьеро-б* // *хъайи-лI*). При этом суффикс генитива превратился из формообразовательного суф. существительных в словообразовательный суф. прилагательных. Нетрудно предположить, что омонимия форм качественных прилагательных нестабильна и с образованием других разрядов прилагательных и наречий подвержена изменениям. Так, в говорах каратинского языка вторые формы качественных прилагательных (на *-лI*) дублируются суффиксальными классными показателями — свидетельство перехода слова в разряд адъективов, например, в арчойском и рачабалдинском говорах *хъайи-лI-о-б*, чабаноринском, маштадинском *хъейи-лI-о-б*, анчихском *хъе-лI-о-б* «синий» [6, с. 86]. Особенно показателен пример из анчихского говора, иллюстрирующий стяжение основы прилагательного. Гиперформы качественных прилагательных в говорах каратинского языка свидетельствуют о неравномерном угасании в языке категории класса и цикличности языковых процессов (дублирование одних аффиксов другими, сходными по значению). Ср. карат. *б-еххело-б* «длинный», *гьеро-б* «красный», *хъайи-лI* «синий» (иллюстрирует угасание категории класса) и рачабалд. *хъайи-лI-о-б* (иллюстрирует возрождение категории класса на основе формы неклассного род. падежа, ибо как переменные классные показатели, так и суф. *-лI* на определенном этапе развития языка выполняли роль генитива — соответственно, согласованного и несогласованного определения). В последнем примере, как и в период «расцвета» категории именных классов, классные показатели, вероятно, используются как согласовательные элементы, формирующие определение. В аварском языке классные прилагательные тоже образуются от род. падежа существительных: *месед-ил-а-б* «золотой», *хвал-ил-а-б* «смертный» [7—9].

Становление относительных прилагательных происходит на основе род. II падежа существительных, восходящего к локативу: первоначально это был разряд качественных прилагательных (ср. слова, обозначающие цвет), затем эта же модель используется для образования относительных и притяжательных разрядов (что дало языковедам повод называть их относительно-притяжательными прилагательными [10]). Наряду с ними разряд относительных прилагательных образуется на основе исходного падежа существительных, имеющего для андийских языков форму *-сс-*. В образовании этого разряда прилагательных также участвует локатив. Ср. в годоберинском *имучIу-ссу* «отцовский» (*имучIу* — местн. п. от *има* «отец»). Ботлихский язык выровнял систему, образовав относительные прилагательные посредством классных экспонентов: *имучIу-ссу-б* «отцовский», *ару-ссу-б* «здесь» (*ару* «здесь»). В тоkitинском диалекте каратинского языка прилагательные на *-isə(-sə)* имеют параллельные формы

с изменяющимся классным показателем [6, с. 93]. Таким образом, в ботлихском языке в известных случаях противопоставлены суффиксально притяжательные и суффиксально относительные классным или неизменяемым качественным прилагательным (*хьуѳа-б* «хороший», *ирѳа* «красный»). Не следует забывать, что в любом из исследуемых языков ситуация намного сложнее ввиду семантических напластований в прилагательных, возникших на основе генитива существительных.

В аварском языке оформляется и разряд притяжательных местоимений: классные формы род. падежа личных местоимений имеют оттенок принадлежности: *дир* «меня, мой», *дир-а-б* «мой, принадлежащий мне». В данном случае ослабленное значение принадлежности, выражаемое род. падежом личных местоимений, подкрепляется классными показателями. Ср. также *дие-се-б* «мне принадлежащий» — форму принадлежности, для которой исходной служит дат. падеж местоимения с афф. *-се-* относительных прилагательных и классным показателем.

В системе имени прилагательного андийских языков можно проследить кое-какие закономерности эволюции; вероятно, сходные процессы действуют в причастиях и числительных. Причастие в своем развитии очень тесно связано взаимными узами с прилагательным: в подавляющем большинстве причастия в андийских языках или образуются с помощью классных показателей, или имеют их в своем составе в качестве одного из замыкающих суффиксов, за исключением тех случаев, когда они образуются посредством суффикса относительных прилагательных (причастие наст. времени на *-исс* в чамалинском языке); иногда причастие буд. времени формирует суф. род. II: в каратинском *-лI-о-б*, чамалинском *-лI-а-б*. Эти формы, используемые также в качестве суффиксов порядковых числительных в указанных языках, следует признать более распространенными, регулярными. Сказанное о причастиях относится и к порядковым числительным, которые, вероятней всего, испытывают влияние причастных форм. Во всех андийских языках (кроме каратинского и чамалинского, где используется суффикс причастия буд. времени), в состав порядкового числительного «первый» входит суф. *-сс-*, причем в ботлихском с переменным классным показателем (*гьѳелиссе-б-ассу-б*).

Взаимодействие прилагательных и причастий дает сложную картину развития адъективных разрядов слов, поддерживая противоположные тенденции: под влиянием классных прилагательных формируются причастия; суффикс неклассных прилагательных используется для образования причастий (причастие буд. времени на *-лI-о-б* в каратинском, на *-лI-а-б* в чамалинском, на *-лI-и-бу* в годоберинском), которые оформляются классными показателями и, судя по диалектам и говорам, способствуют становлению классных показателей в неклассном род. падеже; неклассные относительные прилагательные на *-сс-* проникают в сферу причастий (причастие наст. времени в чамалинском языке), привнося деструктивные элементы в систему причастий, преимущественно употребляющихся с классными показателями. Не менее сложным является взаимодействие прилагательных и наречий, но здесь процесс направлен в одну сторону: стимулируя развитие разрядов прилагательных, наречия не без влияния прилагательных превращаются в разряд неизменяемых слов (ср., например, употребление прилагательных без классных показателей в качестве наречий в ахвахском: *шодабе* «хороший» — *шо* «хорошо»; багвалинском: *ѳуѳ* «плохой» — *ѳѳ* «плохо»). Наречие как часть речи в различных андийских языках знаменует различные этапы развития: в одних языках (андийский, годоберинский) качественные прилагательные и наречия образа действия

совпадают по форме, в других наречия образа действия формально обособляются от качественных прилагательных посредством унификации суффикса (ср. в каратинском: *хъогъоб* «хороший», но *таб-об* «мягкий» — *таб-а* «мягко»). Лишь немногие наречия образа действия в андийских языках имеют в суффиксе переменный классный показатель, а наречия места изменяются по падежам (в ботлихском и часть наречий образа действия имеет окончания местных серий). В аварском языке некоторые наречия места изменяются по классам и числам, имеют показатели трех местных падежей. Словом, о наречии как неизменяемой части речи в отношении андийских языков приходится говорить с осторожностью.

Цикличность в движении суффикса генитива существительных в связи с формированием частей речи, отмеченная нами в ходе исследования, интересное, но не уникальное явление. Повторяемость процессов — это, вероятно, одно из фундаментальных средств развития языка: дублирование мн. числа в бацбийском отмечал Ю. Д. Дешериев [11, с. 58], цикличность эргатива в даргинском подметил С. Абдуллаев [12, с. 122—123], о вдвойне производных формах в чеченском писал Н. Ф. Яковлев [13, с. 149].

Но развитие суффикса генитива представляет особый интерес, потому что речь идет не о простой повторяемости формантов, а о преобразовании всей грамматической системы группы языков. На протяжении всего исследования мы рассматривали андийские языки вместе с аварским. Для него характерны процессы, протекающие в андийских языках, хотя он и стоит несколько особняком от них, в частности, в аварском устранен из системы склонения классный род. падеж или, может быть, унифицирован неклассный генитив, к тому же суффикс генитива неясного происхождения (показатель локатива третьей серии *-лъ*). В свое время Л. И. Жирков предложил объяснять формы аварского глагола как именные падежные формы, образованные от корня глагольной семантики [14]. Ср.: *цIал-ул-а* «читает» — *цIал-ил-а* «будет читать» и *васа-с-ул* «сына» — *ганчI-ил* «камня» (показатель род. падежа существительных совпадает с суф. глаголов). Учитывая, что неклассный род. падеж восходит к локативу и что в развитии грамматики большинства иберийско-кавказских языков он играет значительную роль, это предположение кажется основательным. Помимо того, что говорилось о локативе выше, в чамалинском языке глагольная или именная форма в местном падеже служит наречием образа действия [15]. Во многих иберийско-кавказских языках глагольные формы, употребляющиеся как причастия, могут склоняться и иметь, в частности, также формы местных падежей. Так, в гинухском (одном из цезских языков): *акъей-къо* «когда пришел» (*акъа* «приходить», *-къо* — показатель одного из местн. падежей), *эсиро-къо* «когда спросил» и т. п. Строй языков эргативной типологии, в которых род. падеж используется для образования различных категорий — как именных, так и глагольных — можно охарактеризовать как эргативный с элементами посессивности, если не упускать из виду, что первоначальное значение принадлежности генитива видоизменяется в зависимости от того, какую систему (именную или глагольную) он формирует¹. В случае же необходимости подкрепить в существительном ослабленное значение принадлежности образуется новый генитив или прежний генитив дублируется другими средствами, имеющими близкое или сходное значение.

В цезских языках, лакском и даргинском многие вопросы генезиса прилагательных решаются не так однозначно, как в аварском и андийских.

¹ Здесь речь идет не о превращении посессивной конструкции предложения в эргативную [16], а о наличии элементов посессивности в языках эргативной типологии.

Прежде чем перейти к рассмотрению цезских языков, обратим внимание на одно явление в андийских, которое может пролить свет на развитие прилагательных в лакском, даргинском и цезских языках. Это — элемент *-сс-*. Он встречается: 1) в слове «первый» (которое образуется не так, как остальные порядковые числительные), кроме чамалинского, выровнявшего систему (в каратинском существуют параллельные формы с суффиксами *-лI-о-б* и *-ссе-б*); 2) в некоторых андийских относительных прилагательных; 3) в аблативе (*-сс*) багвалинского языка; 4) в системе прилагательных аварского языка (в упрощенной форме *-се-б*); 5) в упрощенной форме *-с* формирует систему прилагательных и причастий цезских языков; 6) участвует в образовании даргинской видо-временной системы; 7) используется в качестве суффикса прилагательных и причастий лакского (*-сса*) и даргинского языков (*-си*) (ср. суф. прилагательных в ботл. *-ссу-б*, год. *-ссу*, тинд. *-сса* и лак. *-сса*, а также в авар. *-се-б*, багв. *-сс*, анд. *-сси*, цез. *-си* и дарг. *-си*).

Система локативов объединяет нахско-дагестанские языки, однако обнаруживает тенденцию к разрушению. Система же элативов иллюстрирует сходство и различие указанных языков (ср. чеч. *-ра*, инг. *-ре*; год. *-ру*, ботл. *-ру*, *-ку*, анд. *-ку*, багв. *-сс*; *-с* в некоторых цезских языках). Сравнение системы аблатива позволяет сделать вывод, что, во-первых, андийские языки занимают промежуточное положение между нахскими и цезскими и, во-вторых, суф. прилагательных *-сс//с* имеет генетическую общность с суффиксами аблатива или стимулирует его развитие.

Теперь мы постараемся показать, что генезис прилагательных в цезских языках представляет собой аналогию процессов, происходящих в андийских, со смещением в одну фазу, точнее — со смещением акцента с локатива на аблатив. В андийских языках стандартная серия локатива состоит из трех падежей — эссива (падеж покоя), латива (направ. падеж) и элатива (аблатива): год. *руши-кь-и* «под деревом»; *руши-кь-а* «под деревом»; *руши-кь-и-ру* «из-под дерева». Таким образом, *-кь-* маркирует серию со значением «под», латив *-а* противопоставлен эссиву *-и-*, аблатив *-ру* строится на эссиве. Но эта модель разрушается уже в рамках андийских языков. Число падежей в серии уменьшается до двух (тиндинский); реализуется тенденция к совмещению функций эссива и латива, которые вступают в оппозицию с аблативом. Эта тенденция в цезских языках усиливается; в цезском языке еще семь серий по четыре падежа (в систему включается транслатив). Нет противопоставления латива эссиву, а между показателем серии и аблативом выпал суффикс эссива. Следовательно, в отношении цезских языков можно говорить о противопоставлении не серий, а падежей. Ср. анд. *лълъен-лI-и* «в воде» (эссив), *лълъен-лI-и* «в воду» (латив), *лълъен-лI-и-ку* «из воды» (аблатив); год. *лълъен-лI-и*, *лълъен-лI-и*, *лълъен-лI-и-ру* (в андийском и годоберинском эссив и латив совпали, но противопоставление по эссиву еще сохраняется); цез. *лъа-лъ*, *лъа-лъ-ер*, *лъа-лъ-ай* (*лъи* «вода»); хварш. *лъе-лъ*, *лъе-лъ-гъул*, *лъѣ-лъ-й* (с тем же значением). В гунзибском уже семь серий по два падежа: падеж покоя, часто обозначаемый показателем серии (без буферного гласного между согласными эссива и аблатива), и падеж удаления на *-с*, присоединяемый прямо к показателю серии, теперь уже имеющему значение эссива.

Переход от системы локатива как основы для формирования некоторых грамматических категорий к системе аблатива в цезских языках углубляется, между тем как в даргинском в основе образования серий местных падежей оказывается уже не местный, а направ. падеж, присоединяемый к форме им. падежа или к косвенной основе в форме эргатива. Таким обра-

зом, направ. падеж образует третью основу (после основ им. и эрг. падежей) в системе склонения даргинского имени. Более того, теперь изменился и порядок следования морфем в сериях местных падежей: аблатив по-прежнему следует за локативом, но последний присоединяется к основе существительного в форме направ. падежа. Возможна другая трактовка этого явления: в результате падения значения локатива в системе языка произошло сближение в слове локатива и директивных падежей, а в результате перераспределения функций эссива и латива (заметим, что в цезских языках эссив и латив совпадали по форме) за счет латива произошло расширение основы существительного: дарг. *vaɟla-mi-zi-b-axI* «в сторону леса» (-*ли-* и -*зи-* — показатели эргатива и латива, образующие основу существительных; -*б-* и -*axI* — показатели эссива и латива); *uta-mi-či-b-ad* (-*ли-* и -*чи-* — показатели эргатива и латива; -*б-* и -*ад-* — показатели эссива и аблатива). Таким образом, даргинский язык иллюстрирует цикличность латива; форманты направ. падежей (-*чи-*, -*зи-*, -*у-*, -*ɟli*, -*xli*) полностью не формализуются, сохраняя свое значение [17].

Систему прилагательных цезских языков можно представить в следующем виде: 1) прилагательные с классными показателями, развитие которых в андийских языках объяснено выше; 2) хварш. *л-ыхала* «длинный»; 3) гин. *алдийу* «белый»; 4) гин. *регвей* «маленький», хварш. *утлей* «красный»; 5) хварш. *алукла* «белый»; *гыква* «шлюхой»; 6) цез. *sasaxʁosi* «утренний» (*sasaxʁ* «утро») (примеры 2 — 5 объясняются ниже).

Во всех цезских языках есть две формы род. падежа: одна из них употребляется перед именем в именительном, другая перед именем в косвенном падеже, в гунзиском функцию род. II выполняет твор. падеж. Широкое распространение суф. -*ла* в адъективных именах невозможно объяснить процессами, происходящими в цезских языках параллельно с андийскими. Если генитив и влияет на распространение имен с суф. -*ла*, то это все же второстепенное явление. Во-первых, суффиксы род. II в цезских языках различны: цез. -(*о*)з, хварш. -*ло*// -*ла*, гин. -*зо*, бежит. -*ли*. Более того, система местных падежей цезских языков не располагает суф. -*ла*. Значительное распространение имен с суф. -*ла* свидетельствует о его более древнем происхождении. Сравнение фактов андийских (анд. *б-эхула*, ботл. *б-эхилла*, год. *б-эхила* «длинный») и цезских языков [хварш. *л-ыхала*, бежит. *б-ахало*, гунз. *ыхэл* «длинный», *ичил(у)* «старый»], в которых суффикс имеет измененную или усеченную форму, свидетельствует о том, что в цезских языках суф. -*ла* органически вошел в систему языка. И действительно, применив процедуру, использованную выше, мы убедимся, что суф. -*ла* восходит к одной из серий местных падежей (андийский, годоберинский). Но для нашего исследования большую объяснительную силу имеют факты цудахарского диалекта даргинского языка, в котором аффиксом исходных падежей является -*ла*, соответствующий акушинско-урахинскому -*ад*: *ита-ла* «оттуда», *хъули-ла* «из комнаты, из дома». Впрочем, не исключаем взаимодействия двух процессов в цезских языках.

Гин. *алдийу* «белый», хотя и представляет собой новообразование, но все же построенное по модели имен на -*ла*, в чем убеждает наличие в гинухском причастий наст. времени на *гьо* // -*йо* (ср. бежит. *гьалдийо*, гин. *алдийу* «белый» и гин. *руйо* // *ругьо* «делающий» от глагола *рува* «делать»), восходящих к локативу на *гьо*. Следовательно, в цезских языках используются модели с локативом для образования адъективных имен. Гин. *регвей* «маленький» и хварш. *утлей* «красный» необъяснимы фактами этих языков, но наличие в хваршинском параллельной формы *утлана* «красный», а также согласного -*в-* в *регвей*, сигнализирующего о чередовании

у > в перед гласным суффикса (* *регу-ей*, так как в цезских языках наблюдается унификация прилагательных по конечным гласным -у, реже -и), дают возможность обращаться к фактам других языков. Суфф. -ей указанных прилагательных совпадает с суффиксом аблатива седьмой серии цезского языка.

Таким образом, мы ставим перед собой задачу показать, что в цезских языках имя прилагательное формируется преимущественно на основе аблатива (меньше — латива) в противоположность андийским языкам, где в образовании имени прилагательного большую роль играл локатив. Если нам удастся найти объяснение хотя бы одному факту, общему для цезских языков и объясненому своим происхождением аблативу, можно считать доказанным происхождение суфф. прилагательных -ей от аблатива существительных.

То же самое можно сказать относительно суфф. -а прилагательных. Формально он сходен с суффиксом архаического эргатива, локатива, латива и аблатива. По мнению исследователей, эргатив участвует в образовании косвенных падежей существительных, входит в состав наречий и т. д. и, наоборот, местные падежи участвуют в образовании адъективных имен [18, 19]. В цезских языках отмечается совпадение эссива и латива в одной форме и уменьшение значения локатива в системе языка (ср. также в даргинском наречия месга *дура* «снаружи», *гыала* «вперед» и направления *урга* «в середину», *ита* «туда», *иша* «сюда»). Обратим внимание на совпадение суффиксов прилагательных и глагола в следующих хваршинских словах: *агу-кI-а* «белый», *гыке-а* «плохой» и *агы-кI-а* «поднять» (-кI- суфф. каузатива, -а показатель инфинитива), *л-акв-а* «видеть». Совпадение суффиксов прилагательных указанной модели и глагола — типичное явление для цезских языков. Но известно, что дательно-направ. падеж может участвовать в образовании инфинитива [20].

Значит, реально образование прилагательных на -а цезских языков обязано развитию значения аблатива или латива. В даргинском прилагательные типа *цIуб* / *цIуб-а* «белый» (краткие и полные формы) ничем не отличаются от прилагательных, восходящих к лативу (*ург-а* «в середину, средний»; *га-л-а* «вперед, передний»; *гIе-л-а* «назад, задний»). Но, как уже было сказано, в системе даргинского языка большое значение приобрели направительные падежи. Следовательно, если бы удалось доказать, что в системе цезских языков аблативу принадлежит ведущая роль в образовании прилагательных, пришлось бы признать, что прилагательные на -а также восходят к аблативу (т. е. суфф. -а прилагательных различных языков — результат наложения различных значений; в андийских языках он формализуется под давлением эссива, в цезских обязан своим происхождением аблативу, в даргинском — лативу). В кубачинском диалекте даргинского языка имеются прилагательные типа *цIуба-зи-б(-е, -й)* «белый» [12, с. 134], в которых афф. -а дублируется направительным аффиксом -зи- и восстанавливается изменение по классам.

Но в системе цезских языков аблатив действительно играет большую роль. Во всех цезских языках род. I оканчивается на -с и совпадает с аблативом (кроме цезского и хваршинского). Род. II варьируется от языка к языку, но здесь четко прослеживается система: окончание дат. падежа сходится с окончанием род. I в согласном звуке (формы разошлись во избежание омонимии) (правило 1), при этом в хваршинском совпадают окончания датива и латива (правило 2). Восходит к лативу и твор. падеж гунзибского языка, который используется в значении род. II. Следовательно, в цезских языках род. II и дат. падежи возникли не без влияния

латива, но затем их окончания специализировались для передачи различных значений (например, в гинухском языке дат. падеж на -з в функции род. II изменил окончание -з на -зо); подобная специализация окончаний возможна и в гунзибском, где твор. падеж на -д в некоторых случаях встречается в форме на -до. В цезском род. II на -(о)з, вероятно, связан с транслативом -āzā / -аза, но прилагательные на -си в косвенных падежах меняют его на -зо. Кстати, несовпадение род. I с аблативом в цезском и хваршинском языках может свидетельствовать в пользу того, что род. I влиял на становление аблатива -с, т. е. против нашей гипотезы о влиянии аблатива на статус прилагательных в системе языка. Но, во-первых, не следует забывать, что специализация в значении суффиксов с их последующей формальной дифференциацией возможна лишь при широкой омонимии. Во-вторых, любой процесс определяется многими факторами, испытывает влияние всей системы языка. Так, в хваршинском род. I на -с противостоит аблатив на -з (и), а причастие и прилагательные оформляются афф. -со. Казалось бы, аблатив не имеет отношения к образованию прилагательных; в результате употребления род. падежа в атрибутивной функции развились прилагательные на -со. Но тогда для гинухского языка, в котором род. I на -с и аблатив на -с образуют систему, а прилагательные и причастие на -с не имеют распространения, пришлось бы отрицать участие род. падежа в процессе образования прилагательных. На истинное положение вещей указывают факты гунзибского и бежитинского языков. В гунзибском афф. -с оформляет род. I, аблатив и адъективные слова, включая порядковые числительные. То же самое наблюдается в бежитинском языке, в котором, к тому же, наряду с род. на -с в атрибутивной функции употребляются прилагательные на -со. Использование суф. -с // -со в прилагательных и причастиях указывает на то, что процессы, связанные с расширением функций прилагательного в цезских языках, аналогичны процессам в андийских языках.

Следовательно, в отношении цезских языков можно признать ведущую роль аблатива в образовании прилагательных, при участии латива (т. е. в цезских языках начинается действовать система, установившаяся в даргинском). Схематически сказанное можно представить в следующем виде:

1. аблатив → род. I	} формирование прилагательных и причастий	} формирование порядковых числительных
2. латив → датив → род. II		

Роль эссива в андийских языках уменьшается, если принять во внимание редукцию аффикса эссива и прилагательных $MI-u > MI$ в указанной группе языков. В этом отношении образование полных форм прилагательных в цезских языках (-с // -со) и дублетных форм аблатива в гунзибском (-с // -са) свидетельствует о возрастающей роли аблатива в системе цезских языков. Следовательно, становится понятным распространение окончания -ей у прилагательных в хваршинском и гинухском, совпадающего с окончанием аблатива цезского языка или восходящего к нему. Наличие в гинухском форм эмфатических прилагательных, параллельных основным формам, как раз и свидетельствует о том, что распространение прилагательных на -с // -со не имеет прямолинейного характера, но освоение в языке осуществляется в несколько этапов, отражающихся в дублетных формах прилагательных. Ср. в гинухском эги // эгвей, а также амфатическую форму эгункIа (<*эгинукIа).

Суф. -си прилагательных и причастий цезского языка, даже если он заимствован, органически входит в систему адъективных имен цезских

языков (но, скорее всего, суф. *-си* — общедагестанский). Используется в цезских языках и модель «суффикс эссива + суффикс прилагательных», но в истории прилагательных цезских языков этой модели не принадлежит решающее место (впрочем, ср. образование причастий наст. времени в цезском языке присоединением *-си* к основе, усложненной показателем эссива *-хо*).

Наиболее полно система прилагательных представлена в даргинском языке: 1) часто используется суф. *-ла*, являющийся архаизмом и образующий прилагательные от существительных и наречий: *тамаша* «удивление» — *тамашала* «удивительный»; *дура* «вне, снаружи» — *дурала* «внешний, иностранный» (в чапшинском диалекте суф. *-ла* встречается с наращением *-си*); 2) исследованный выше суф. *-а* основы: *цуба* «белый», *хьанцла* «синий, голубой»; 3) суффиксы *-л* // *-ил* и *-си* взаимозаменяемы: *кьабул* // *кьабул-ил* // *кьабул-си* «любимый»; 4) суф. *-н* // *-ан* // *-ен* образует относительные прилагательные: *сирхлан* «сургинский». По мнению С. Абдуллаева, суф. *-ан* восходит к причастию глагола *эс* — «сказать, сделать» [12. с. 87]. Трудно сказать, так ли это, но суф. *-ан* широко распространен как суффикс причастия и в других языках (например, нахских). Суф. *-си*, *-л* // *-ил*, *-ан* // *-ен* используются также для образования причастий. Следовательно, в системе прилагательных даргинского языка есть новообразование — суффикс относительных прилагательных, правда, имеющий ограниченное употребление. В целом система прилагательных даргинского языка содержит все элементы, исторически участвовавшие в образовании прилагательных аваро-андо-цезских языков, и, таким образом, грамматическая система даргинского языка в той или иной степени является преобразованием трех систем — локатива (эссива), аблатива и латива под влиянием род. падежа.

Существенным моментом является изменение семантики прилагательных. В андийских языках основными разрядами являются: 1) качественные и притяжательные (классные формы) и 2) притяжательные и относительные (производные от генитива с суф. *-л*) прилагательные. При этом формы с классными показателями вытесняются в разряд наречий (ср. год. *шуб* «хороший, хорошо») или осваиваются как причастия. В цезских языках разряд качественных прилагательных составляют те, которые на предыдущем этапе формировались посредством афф. принадлежности *-ла*; разряд относительно-притяжательных прилагательных составляют новообразования с суф. *-си* // *-со*. Адъективное значение форм с классными показателями передается забвению, и они входят в парадигму спряжения. В даргинском и эти последние используются как качественные прилагательные.

Таким образом, в аваро-андо-цезских языках прилагательные с трудом разграничиваются на разряды по формальному признаку. В даргинском тем более целесообразней делить прилагательные не по формальному признаку, а по их значению (кроме относительных на *-ан*).

В даргинском и лакском, сравнительно с другими дагестанскими языками, регулярно противопоставляются краткие и полные формы прилагательных (дарг. *ахъ* // *ахъси* «высокий», *бугляр* // *буглярси* «холодный»); качественным прилагательным составляют оппозицию наречия образа действия, что является одним из признаков прилагательного как вполне сформировавшейся части речи (*ахъ* // *ахъ-си* // *ахъ-ли* «высокий» и *ахъ-ли* «высоко», где афф. *-ли* совпадает с показателем деепричастий); прилагательные, оформленные суф. *-си*, изменяются по числам (во мн. числе суф. *-си* соответствует *-ти*).

Возможно, в даргинском языке происходит становление полноценных притяжательных прилагательных и местоимений на основе род.-направ. падежа: *ди-ла-л* «мой собственный». *Али-ла-си* «принадлежащий Али» (ср. с фактами аварского языка). И хотя подобные формы более свойственны литературному языку, дублирование аффиксов имеет регулярный характер. Порядковые числительные образуются суффиксально лишь в бежтинском, гунзибском и лакском языках, в остальных языках их маркирует причастие от глагола «сказать».

Нахские языки, пожалуй, лучше изучены, чем дагестанские, но именно они создают трудности при их сравнительно-историческом исследовании. Попытаемся доказать, что в нахских языках протекают процессы, аналогичные тем, которые характеризуют дагестанские языки.

Изменение системы от локатива к аблативу и лативу нами отмечалось для цезских и даргинского языков. Как и в том случае, отметим для бацбийского языка в системе склонения построение аблатива на лативе и локативе: *дад-(е)-го-рѣ* (исходный I от *дад* «отец» построен на лативе); *дад-(е)-гуи-хъ-рѣ* (исходный II построен на локативе с предшествующим лативом). Для системы косвенных и местных падежей бацбийского языка основой именной парадигмы является род. падеж (в нашем примере *дад-ѣ*). Рассмотрим место род. падежа в грамматической системе нахских языков.

Систему прилагательных бацбийского языка исчерпывающе можно представить следующим образом: 1) *дад-ѣ* «отца, отцовский, принадлежащий отцу» (род. п. в атрибутивной функции), *хен-ѣ* «(из) глины, глиняный»; 2) *в-аккх-ѣ* // *в-аккх-уй* «большой, старший»; 3) *кIолхоз-ѣ* «колхозный», *IарчI-й* «черный», *глаз-ѣ* «хороший»; 4) *мата-а-рѣ* «мясной», *хъун-й* «лесной» — *хъун-а-рѣ* «лесистый», *къар-о-лѣ* «дождливый», *тха-лѣ* «сегодняшний»; б) *лекI-ур* «лезгинский», *пицл-ул* «деревянный».

Как и для дагестанских языков, включая лезгинские, для нахских языков характерно употребление род. падежа существительных в атрибутивной функции [11, с. 182; 21] первоначально для обозначения принадлежности (*дад-ѣ*) и относительного признака предмета (*хен-ѣ*). Использование генитива для обозначения качественного признака предмета сопровождается закреплением его как словообразовательного аффикса прилагательного, что приводит к ослаблению категории класса в прилагательных: ср. *в-аккх-ѣ*, где классный показатель дублируется аффиксом генитива, образующим определения, которые на начальном этапе составляли разряд притяжательных прилагательных и впоследствии были переосмыслены как качественные прилагательные, и *глаз-ѣ*, образуемое суффиксально.

Употребление одной формы генитива в трех значениях (признак качественный, относительный и по принадлежности) вело к формированию суффиксов прилагательных, служащих для разграничения этих значений: *матх-й* // *матх-арѣ* «солнечный» (*матх* «солнце»), но *хъун-й* «лесной», *хъун-арѣ* «лесистый». Строго говоря, при совпадении разрядов прилагательных в одном аффиксе при нечетком разграничении их значения качественные прилагательные отличает возможность изменения по степеням сравнения. Существует еще один способ дифференциации имен прилагательных — использование в этих целях суффиксов, заимствованных из родственных или неродственных языков. Очевидно, что заимствованные суффиксы органически вписываются в систему языка, ибо они используются для разграничения процессов, происходящих в самом языке. Так, в бацбийском языке наряду с исконными суф. *-арѣ* // *-орѣ* и др., которые не

всегда различают качественные и относительные прилагательные, употребляются заимствованные из грузинского языка суф. *-ур* // *-ул*, образующие преимущественно разряд относительных прилагательных: *лекI-ур* «лезгинский», *пицI-ул* «деревянный». Неудивительно, что заимствования и по фонетическому составу сходны с суффиксами бацбийского языка (ср. *-ор-ѣ* и *-ур*). Заимствования осваиваются и оформляются соответствующим образом как бацбийские прилагательные (ср. *-ул* // *-ул-ѣ*). В систему прилагательных бацбийского языка входят и слова, оформленные направительным суф. *-иэ*, хотя он более приспособлен для образования глагольных времен [13, с. 38, 53: 22].

Ю. Д. Дешерпиев отмечает, что в бацбийском косвенные падежи образуются на основе генитива [11, с. 62]. Заметим, что в основе склонения нахских языков лежит вторичный генитив: бацб. *дад* «отец» (им. п.), *дад-ѣ* (род. п.), *дад-е-н* (дат. п.), *дад-(е)-го* (направ. I п.) (основу косвенных падежей образует гласный звук *-е* вторичного род. падежа). Первичный генитив нахских языков претерпел существенные изменения. В чеченском встречаются его фонетические варианты *-ан*, *-ен*, *-он*, *-ун*, *-н*, но часто гласные произносятся со слабой назализацией, что в письме не отражается, и, следовательно, генитив оканчивается на гласный: в ингушском генитив имеет исходом *-а*, *-и*, *-н*, в бацбийском в результате ослабления конечного *-н* появились назализованные гласные: чеч., инг. *в-оxx-а* «большой», бацб. *в-аккx-ѣ* «большой», чеч. *дик-а* «хороший, хорошо» — *оx-а(н)*, *оxу-н* «пашущий»; инг. *дик-а* «хороший, хорошо», *латт-а* «стоящий»; бацб. *гIаз-ѣ* «хороший» — *гIаз-и-и* «хорошо» — *тег-б-уй* // *тег-б-уин* «делающий». Дублетные формы качественных прилагательных в бацбийском языке *в ккx-ѣ* : *в-аккx-уй* возникли явно под влиянием причастных форм.

Из сравнения примеров ясно, что род. падеж участвует в образовании прилагательных и наречий (которые в чеченском и ингушском языках совпадают по форме) и причастий (о порядковых числительных ниже). Таким образом, род. падеж является основой для образования адъективных слов. Подобную схему мы отмечали и для дагестанских языков.

В нахских языках также наблюдается циклическое явление род. падежа. Сравним склонение нижеследующих слов в некоторых падежах чеченского языка:

им. <i>ахархо</i> «земледелец»	<i>бода</i> «мрак»	<i>кxоъ</i> «три»	<i>итт</i> «десять»
род. <i>ахархо-у-н</i>	<i>бода-н-ан</i>	<i>кxа-т-н-ан</i>	<i>итт-ан-н-ан</i>
дат. <i>ахархо-чун-н-нч</i>	<i>бода-н-на</i>	<i>кxа-ан-ни</i>	<i>итт-ач-ни</i>
твор. <i>ахархо-чу-н-на</i>	<i>бода-н-ца</i>	<i>кxа-ан-ца</i>	<i>итт-ан-ца</i>

Если в косвенных падежах слова *бода* можно было бы считать наращение основы *-н-* соединительной согласной, то склонение слов *ахархо* и *кxоъ* убеждает, что склонение имен строится на основе род. падежа, но в таком случае окончание генитива в слове *кxоъ* повторяется дважды.

В склонении зависимых числительных также наблюдается наложение двух род. падежей: чеч. *ши говр* «две лошади», *ши-н-а говр-ан* «двух лошадей» (ср. *хи* «вода» — род. п. *хъ* / *хи-н*). Очевидно, что в суффиксе порядковых числительных также следует усматривать дублирование генитивов: первое *-а* относится к основе числительного, второе *а-* указывает на адъективный характер слова: *кxоъ* «три» — *кxо-а-лгI-а* «третий», *йалх* «шесть» — *йолх-а-лгI-а* «шестой» (ср. бацб. *кxа-лгI-ѣ* «третий» при *кxо* «три»; *кxа* — косвенная основа). Циклическость род. падежа просматривается и в образовании качественных и относительных прилагатель-

ных с помощью суф. *-рѣ*, *-лѣ*, согласные которых по происхождению являются показателями, соответственно, исходного падежа и инессива (*-з* в составе суф. *-гѣ* представляет собой показатель направ. I падежа: *цIе-г-ѣ* «красный» [11, с. 185—187]). Эти суффиксы не выступают в чистом виде, при их присоединении между основой существительного и суффиксами появляются гласные *-а* или *-о*, представляющие собой род. падеж существительных или показатель качественных прилагательных (ср. инт. *дик-а* «хороший», род. п. *юрт-а* «села» и бацб. *в-акх-ѣ* «большой»), сами же суффиксы оформлены адективным показателем *-ѣ*, восходящим к род. падежу существительных. Таким образом, бацбийский язык ушел еще дальше даргинского в разграничении разрядов прилагательных, развил согласование определения с определяемым (ед. ч. *-ѣ*, мн. ч. *-ѣ*), хотя специализация аффиксов прилагательных в бацбийском далеко не завершена.

Итак, для трех групп языков мы показали параллельное развитие прилагательных на основе род. падежа, происхождение которого для различных групп различно (и, следовательно, суф. *-а* качественных прилагательных может восходить к локативу, аблативу, лативу, генитиву). Он обязан своим происхождением местному, отложительному или направительному (в некоторых лезгинских языках) падежам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокарев Е. А. Гинухский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 442.
2. Бокарев Е. А. Гунзблский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 478.
3. Гудова Т. Е. Андийские языки // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 274.
4. Магомедбекова З. М. Ахвахский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 340.
5. Гудова Т. Е. Годоберинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 312.
6. Магомедбекова З. М. Каратинский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1971.
7. Мадиева Г. И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. С. 76.
8. Бокарев Е. А. О классных показателях в аваро-андо-цезских языках // Язык и мышление. Т. X. М.—Л., 1940.
9. Гудова Т. Е. К строению показателя грамматических классов в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1954.
10. Гаджиева Дж. Р. Имя прилагательное в аварском языке. Махачкала, 1979. С. 27.
11. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953.
12. Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология. Махачкала, 1954.
13. Яковлев Н. Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960.
14. Жирков Л. И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. I. М.—Л., 1935.
15. Магомедбекова З. М. Чамалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 395.
16. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975. С. 164—200.
17. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 512.
18. Бокарев Е. А. Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана // Языки Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1954.
19. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980. С. 227.
20. Бокарев Е. А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. Т. XI. М.—Л., 1948. С. 67.
21. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. С. 419.
22. Дешериева Т. И. Исследование видо-временной системы в нахских языках (С привлечением материала индосистемных языков). М., 1979.